

Иван Шубников
Сказка о Зайчишке чаре
и Трын-Траве

Иван Шубников
Сказка о зайчишке
Чаре и Трын-Траве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68660210

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказка о том, как однажды юная зайчишка по имени Чара отправилась через волшебный лес на поиски таинственной Трын-Травы, что, по слухам, дарует храбрость.

Иван Шубников

Сказка о зайчишке

Чаре и Трын-Траве

Написано для Карины Гомоновой и Василины Неведомской.

Давным-давно, в стародавние времена, когда солнце светило ярче, а трава была зеленее, на опушке Заповедного Леса, куда не ступала нога охотника-человека, жила-была колония зайцев-беляков, что к зиме всегда меняли окрас меха с серого, либо коричневого на белый, а к концу весны обратно. В те времена седой древности зайцы жили более сплочённо да дружно, не все, повзрослев покидали границы проживания своей колонии, так сказать родные лёжки.

Однажды золотой осенью, с началом листопада, в неглубокой ямке под кустом дикой малины, уважаемая в своём роду зайчиха, наречённая именем Зната, уже третий раз за год разродилась зайчатами. Было их семь в выводке. Старшие братья и сёстры новорождённых зайчат – весенние Настовики и летние Травники, по традиции, беззлобно прозвали третий, осенний помёт своей матери Листопадниками. Самая младшенькая из ушастиков была красоты сказочной, да так всех вокруг очаровала, что назвали её Чара.

Росла Чара ласковым и добрым зверьком, была здорова,

быстро крепла. Отличалась любознательностью, а также подвижностью, точнее чрезмерной непоседливостью. Зайцы, в отличие от нас, людей развиваются и взрослеют намного быстрее, но и времени им на Матушке-Земле, увы отмерено меньше, чем большинству из нас. Так вот, уже на десятый день после своего рождения, любопытная кроха-зайка умудрилась пересечь границу родной опушки, как-то незаметно для всех окружающих – вечно чем-то занятых взрослых, даже незаметно для мамы, которая, притомившись просто крепко уснула. Повезло, что нашли Чару близкие быстро, по пахучему следу от лапок, что характерен для всех зайчат. Очень расстроила в тот день младшая дочка зайчиху Знату, пришлось Чаре в будущем, до поры до времени сдерживать свою тягу к приключениям и путешествиям, пришлось виновнице пообещать не отходить так далеко от уютной родной ямки под малиновым кустом до полного взросления. Ведь лес – место чудесное, но и опасностей таит немало, особенно для маленьких и беззащитных. Объяснили смышлёной зайчишке, что правдой жить надо, иначе быть беде. Если дал обещание, его надо выполнить! Усвоила это Чара, решила по жизни быть верной своему слову. Вскоре все о неприятном происшествии забыли.

Не по дням, а по часам зрели зайчата, наукам разным от старших обучались: как затаиваться в траве чувствуя опасность поблизости, как путать свои следы от преследователей, как сооружать лёжки на земле или же в снегу, тренировались

быстро бегать и высоко прыгать. Рассказывали малышам и об угрозах, кои встретиться могут на их жизненном пути: рысь, волк да лиса, беркут и филин. Так проходили один за другим осенние деньки...

Как-то вечером, дедушка Родолюб, десятилетний старый заяц, рассказал Чаре о волшебной Трын-Траве, что никогда не увядает, даже зимой и растёт где-то на севере, на скрытой от постороннего взора поляне, в Запретной части леса, что за широкой рекой Смородинкой. Издревле ходит среди лесных жителей молва, что тот счастливец, кто отыщет ту заветную поляну и отведаёт, или же сорвёт чудесную Трын-Траву не будет больше ничего бояться в этой жизни, познает истинную храбрость. А путь к смелости укажет старая, как сам мир, человеческая самка, могущественная бессмертная ведьма, что живёт в избушке на курьих ножках, за той же рекой Смородинкой. Но помогает лесная колдунья не каждому ищущему, лишь достойным по её мнению. Когда-то давно поведал о том Родолюб его приятель Вестун, дрозд-рябинник, заядлый болтун и путешественник. Так уж повелось, что все зайцы и их ближайшие родственники кролики имели повсюду репутацию зверей трусоватых и чересчур осторожных. Сознался Чаре тем вечером старик-заяц, что всю жизнь мечтал он отправиться на поиски храбрости, но так и не решился, а сейчас уже слишком поздно, старческая немощь не позволит.

– Очень хотелось бы перед уходом в мир иной узнать, что же такое храбрость, но видать не судьба, – так закончил свой рассказ Родолюб.

Осталась под большим впечатлением от услышанного Чара. Тогда и решила для себя, во что бы то ни стало отыскать Трын-Траву и стать по-настоящему храброй зайчихой, а самое важное – успеть исполнить заветное желание своего дедушки, нарвать и принести ему пару травинок, дарующих смелость.

Прошло с того памятного вечера немного времени. Месяц спустя Чара и её братья-сёстры совсем окрепли и возмужали, наконец-то стали взрослыми. Напомню о том, что зайцы растут намного быстрее человеческих детей. Всегда помнила Чара о главной мечте деда Родолюба, да и самой всем в округе доказать хотелось, что род её не трусы. Страшно, конечно было покидать родные, знакомые места, но жажда странствий пересилила страх нерешительности. Внутренне поняла Чара, что пора отправляться в путь. Да, напугала она всю семью своим решением, но мама Зната очень любила свою дочурку, а потому отнеслась с пониманием к её взрослому и обдуманному решению, и благословила, как и должно быть в настоящей любящей семье. Пообещала родным начинающая путешественница, что вернётся обратно до окончания своей первой линьки и первых серьёзных холодов. И вот, однажды на рассвете молодая зайчиха по имени Чара отправилась на поиски храбрости.

Всё новое и неизведанное вокруг восхищало, но и слегка пугало Чару: нечастые и тревожные перекрики лесных птиц; неродные, высокие, хвойные и лиственные деревья на значительном травянистом покрове, усеянном то тут, то там прелой красно-жёлто-коричневой листвой; скрипящая ветвями на октябрьском ветру, осыпающаяся чаща с редкими просветами; лиственные рощицы и сосновый бор; ельник и ягодные моховые болота, перемежающиеся с осиново-берёзовыми островами; небольшие поляны с зарослями ольхи либо же папоротника по урезу воды неглубоких журчащих ручьёв...

Долго ли, коротко ли вышла зайчишка Чара на берег грозной реки Смородинки. За рекой виднелся тёмный Запретный Лес, куда и лежал путь длинноухого зверька.

Смородинка была рекой своенравной, широкой да глубокой, с сильным течением. Как перебраться юной заячьей самке через такую на противоположный берег? Да, Чаре в своё время объяснили, как нужно плавать, но во-первых, перед ней было слишком серьёзное водное препятствие с жутко холодной осенней водой, во-вторых, практики в плавании у неутомимой путешественницы не было, а в третьих, зайцы по натуре своей всегда сторонятся воды, пересекают водоёмы и водные потоки лишь в самом крайнем случае, когда иначе, ну совсем никак. Долго думала-гадала Чара о возможности относительно безопасной переправы, совсем уже отчаялась найти выход из сложившихся обстоятельств, как

вдруг взгляд её упал на небольшую корягу, лежащую на берегу реки, почти у самой кромки воды. Не зря, испокон веку познавшие мудрость гласят: главное – не терять надежду, всегда, из любой сложной ситуации можно найти выход! Осмотрела коряжину зайчишка, решила, что прочности для плавания будет достаточно. Дело осталось за малым – перебороть себя и решиться. Сказать-то легко, да сделать трудно! Минуты бежали, Чара волновалась, решалась на поступок.

– Эх, была не была! – наконец превозмогла себя листопадничка-зайка. – Уж пощади меня, пожалуйста, да подмогни, многоуважаемая реченька, Смородинка.

Поклонилась реке Чара, напрягшись столкнула корягу в стылую воду, запрыгнула на неё сверху, да поплыла к другому берегу, отчаянно молотя по водной поверхности лапками. Мёрзла, пыжилась-старалась, да всё напрасно. Не приближался противоположный бережок, уносило корягу с наездницей резвое течение в даль. Закостенели от холодной воды лапы Чары, горькие слёзы покатались из глаз, сердечко обуял страх лютый. Опасно закружил, раскачал своеобразный Чарин плотик, бурный речной поток. Поняла ослабшая зайчишка, что пропала, как вдруг, неожиданно...

Необычная волна поднялась и наперекор течению, плавно вынесла корягу с Чарой к противоположному берегу, прямо на сушу. Не верила в своё чудесное спасение зайка, всё никак не могла отойти от шока. Глядь на реку – чудо-юдо какое-то к ней подплывает: и не человек, и не рыба. Кожа синюшная,

вместо волос и бороды водоросли, жабры на шее раздуваются, глаза навывкате, между пальцев рук перепонки, а ног нет вовсе – чешуйчатый от пояса рыбий хвост воду разгоняет. Улыбнулось Чаре существо, по-хозяйски разлеглось на возникшей вновь пенной волне.

– Кто вы, уважаемый? – поинтересовалась с трудом пришедшая в себя зайчишка.

– Водный дух – хозяин этой реки, водяным меня называют, – был ответ. – Это я тебя, бедовую спас.

Рассказывала, было как-то, об этих древних созданиях Чаре её мама Зната, говорила, что слушаются их беспрекословно и рыбы, и лягушки, и пиявки, и сама водица живая. А один из старших братьев хвастал, что видел, как водяной в озеро лесное, под воду гуся перелётного утащил, видимо поужинать беднягой решил. Правда, слыл тот братец-заяц врунишкой неисправимым, может и нафантазировал всё.

– Спасибо вам большое, добрый водяной! – поклонилась духу Чара. – Позвольте вас, многоуважаемый спаситель спросить, почему вы помогли мне в беде, о водяных, уж простите, слышала я байки разные... и могу ли я вас как-нибудь отблагодарить за доброту вашу?

– Вы, зайцы вечно боитесь всего, да и воду не жалуετε, – водяник усмехнулся. – Понравилось мне, что ты на плавание решилась, себя переборов, да и жалко мне тебя, отчаянную стало, вот и помог.

Замолчал ненадолго водяной, о чём-то задумался. Чара

тоже молчала, во все глаза разглядывала своего необычного выручателя.

– Да и смысл тебя топить-губить, ты из рода зайцев, русалкой, помощницей мне не станешь, – произнёс владыка речной после паузы. – Ничего мне от тебя за спасение не надо, ступай к своей цели дальше и прощай!

Сказал и исчез под водой, как и не было его вовсе. А Чара попрыгала немного на месте согреваясь и обдумывая всё произошедшее, а после продолжила путь. Впереди её ждало ещё не мало опасных и захватывающих приключений.

Прыг-скок, прыг-скок... Берег реки Смородинки, за спиной попрыгушки Чары всё отдалялся. Вся в мыслях о только что пережитом не заметила зайчишка-удачница, как попала в объятия тёмного леса, что многие из её родни называли Запретным или же Недоступным. Не заметила, как вошла под свод страшных и корявых, плотно переплетающихся между собой над головой путника острыми ветвями, многовековых, покрытых мхом и паутиной деревьев. Задумавшись о своём, не обратила внимание, а так, возможно и не решилась бы вовсе. Теперь-то уже поздно раздумывать в нерешительности. Этот сумрачный, пропитанный сыростью лес и выглядел, и звучал как-то зловеще, даже пах опасностью, был старым, дремучим и неприятным. Чару всё время не покидало ощущение, что за ней постоянно кто-то наблюдает, кто-то хищный и кровожадный. Шумы, трески настораживали,

заставляли сжиматься от страха сердце. Каждый шаг давался с трудом, зайчишка себя с трудом пересиливала. Дрожала всем телом, но двигалась осторожно дальше, прижав уши и внимательно осматриваясь.

Вот впереди послышалось пока ещё не громкое карканье. Как же невыносимо жутко стало вдруг Чаре. Хрусть! Что-то резко хрустнуло, возможно ветка позади зайки-путешественницы. Стрелой, без оглядки помчалась она вперёд, не разбирая пути. Неслась напролом сквозь колючие кусты и предательски торчащие из-под земли корни, пока не оказалась в лапах невообразимо огромного чёрного кота. Сомкнул котище свою клыкастую пасть на затылке Чары, а та чуть жива от ужаса. Как ещё шкурку умудрился не повредить нашей зайчишке! Потацил Чару пушистый пленитель к своей властной хозяйке.

А хозяйкой волшебного кота-фамильяра оказалась та самая лесная ведьма, к которой Чара и держала свой путь. Жила многовековая колдунья в старой, дымящей из печной трубы, перекосившейся на бок деревянной избе, что держалась на кривых когтистых лапах, напоминающих куриные. Высокая изба находилась за частоколом, некоторые колья которого были увенчаны разной формы и размера черепами, в том числе и человеческими. Вокруг серого дыма из печи кружились, грелись чёрные вороны, наперебой каркали-кричали: «Чуем-видим пришлую душу во плоти!!! Баюн-кот кого-то притащил на суд нашей хозяйки!!!»

Присела к земле избушка, согнула колени, отворила скрипучую дверь. Запрыгнул вместе со своей жертвой внутрь низенького дверного проёма кот Баюн. Дверь за ним сама собой закрылась, изба вновь распрямила необычные лапы. А чёрные разбойники-вороны всё куражились в воздухе, каркали, перебивая друг друга...

Внутри изба выглядела намного выше и просторней, чем снаружи. Было в доме прибрано и тепло. И что, самое нехарактерное для ведьмовского жилища – довольно уютно. Хозяйка отвлеклась от готовки, подняла Чару за уши в воздух, осмотрела, посадила на лавку. Погладила немного черныша-питомца. Страшенный кот, с колдовским цветом глаз и железными когтями, довольный улёгся у печи. Зайчишка Чара была не жива, ни мертва, боялась даже шевельнуться.

– Ну здравствуй, Чара, ищущая храбрость! Не бойся меня, трусишка, пока ещё не настало время для этого, – голос кудесницы завораживал и постепенно успокаивал. – Знаешь, ждала я тебя. Любое имя обладает силой, запомни это и не называй своё кому попало. Откуда знаю твоё, не спрашивай, всё равно не поймёшь. Меня молва людская нарекла бабой Ягой, но истинное имя моё – Ягла, тебе дозволяется его узнать.

Услышала Чара от бабы Яги много чего удивительного и интересного тем днём. Была ведьма внешне очень стара, сторблена телом, худощава, прихрамывала при ходьбе на одну ногу. Волосы её были сплошь седые, спрятаны под невзрач-

ный платок, длинный нос – крючковат и с бородавкой. Кожа у старушки была морщинистая и дряблая. Цвет глаз – светло-серый. Когда волшебница говорила, было видно, что во рту отсутствует некоторая часть зубов. Оставшиеся были редкие и гнилые, пожелтевшие. Одеята была в штопаные-перештопаные лохмотья, но чистые. На ногах выдавшие виды лапти. Жильё всё увешано различными пучками трав да корней. В одном из углов избы находилась большая ступа с метлой внутри. Над столом клетка стальная с цепью, подвешена на крюк. В клетке сидела и молчала утка. А страшная старуха всё вела речь свою.

– Ведаю дорогу к Трын-Траве, правда, но открываю её не всякому. Почему должна тебе тот путь показывать?.. А вот теперь можешь начинать вновь бояться, Чара, ибо голодна я сейчас очень, да и питомцев кормить надо чем-то, не травами же. Видишь утку в клетке? Съем я сегодня на ужин или её, или тебя, но кого из вас, пока ещё не решила. Кому повезёт, тот уйдёт отсюда живым. Эх, что же приготовить: зайчатину или утятину?!

– Её, зайчиху лучше съешь, а меня родные на болоте ждут, братики да сестрички любимые, в тёплые края без меня не улетают! – закричала пленница-утка, захлопала крыльями.

Не понравились Чаре слова утки, но и жалко её почему-то стало. Неправильно это, когда кто-то в клетке сидит, в неволе. Представила она, что вдруг родня утиная свою потеряшку не дожждётся и так что-то горько на душе у Чары стало, что

даже страх смерти отступил.

– Да, пусть будет так, лучше съешьте меня, уважаемая, а невольницу отпустите, пожалуйста, как и обещали, пусть воссоединится вновь со своей семьёй, – тихо произнесла и вся поникла зайка по имени Чара.

Понимала она, что нарушает своё обещание вернуться обратно на родную опушку, но что поделаешь, выбрала, как считала меньшее из двух бед. Как жить дальше, зная, что могла помочь и не решилась, испугалась? И пускай цена – её собственная земная жизнь, всё равно она конечна. Зато, может в этой утиной стае её вспоминать будут добрым словом.

– Умница, Чара! – старуха-ведьма звонко рассмеялась и вмиг обернулась прекрасной, да статной молодой красавицей. – Доброе у тебя сердце, зайка! Прошла ты моё испытание и заслужила награду! А утка в клетке – это лишь морок, моё волшебное плутовство.

И действительно, клетка с уткой вдруг растаяла как дым, исчезла. Чаровница Ягла поцеловала озадаченную Чару в лоб, а после угостила вкусной и полезной для здоровья, большой морковью. Скрытно, из-за нагретой печи выглянул старичок домовый: махонький (но способный менять свой рост по желанию), седовласый да мохнатый, дух-хранитель домашнего очага и благоустроенности. Огляделся, по-доброму усмехнулся в усы, почесал свою пышную бороду, а затем вновь спрятался за глинобитной печью. Ни кот Баюн, ни Яга-Ягла, ни тем более Чара его и не заметили вовсе.

Пока изголодавшаяся зайчишка грызла морковку, знахарка-ведунья слово молвила.

– Пошутила я, Чара, прости. Давно уже не ем я плоть умерщвлённую, лишь то употребляю в пищу, что дарует мне мой огородик за избой, ну да ягоды-грибы ещё люблю. От этого исходит сила моя волшебная. Ею же и питаются питомцы мои непростые. За самоотверженность, помогу я тебе в твоих поисках. Как выйдешь за порог, закрой глаза и несколько раз, посолонь – по течению солнца, от стороны восточной к стороне западной крутанись по кругу. Затем открой глаза, и куда взор упадёт – туда и двигайся к Трын-Траве желанной. Ни мой кот, ни мои вороны тебя не тронут. И ещё, правильное стремление тобою движет. Можно чести приписать, что ищешь траву волшебную, смелость дарующую, не столько для себя, сколько для родного дедушки. Да, я и это знаю. Послушай: то, что желаешь лишь себе одному, принесёт тебе только одно разочарование! Запомни, на пути будут тебе ещё испытания. Достоинно преодолеешь их все – дойдёшь до волшебной поляны с Трын-Травой. До свидания, Чара. Мир тебе по дороге!

Поблагодарила Чара Яглу. Сделала всё зайчишка, что колдунья всеведущая велела. Крутанулась на спине с закрытыми глазами раз-другой, отталкиваясь лапами от земли. Открыв глаза, определилась с направлением и продолжила своё странствие через Запретный, таинственный лес. Спешила Чара вперёд, навстречу новым приключениям.

Невзирая на ветра и дожди пересекала угрюмый лес зайчишка-путница, лишь изредка прерываясь на чуткий сон. Наспех питалась чем лес осенний угощал: листьями, стеблями, веточками да корой древесной. Пила воду из луж и ручьёв. Сперва любой звук настораживал Чару, но с каждым новым шагом-прыжком путь становился легче, а зверёк все спокойней и уверенней в себе.

Путешествие Чары оказалось долгим и трудным. Потерявшая счёт дням зайка, затаившись как-то в кустах увидела невзначай грозного филина, что в сумерках присмотрел себе ужин – маленькую лесную мышку, занимающуюся своими мышинными хлопотами. Боялась зайчишка выдать себя, но и хвостатому грызуну стать пищей огромной лесной птицы так же не могла позволить. Сердце-то жалостливое билось в груди.

– Берегись, мышка! Сзади! – крикнула Чара из кустов.

Юркая норушка в последний момент увернулась от острых когтей пернатого хищника и резво нырнула в ближайшую норку. Озадаченность филина быстро сменилась гневом. Зорко озирался он в поисках неожиданной помехи, но молодой зайчихи уже и след простыл...

С того вечера прошло ещё время. Близ какого-то болотца, в ягоднике кормились два рябчика, самец и самка. Резко выпрыгнувшая из зарослей ельника рысь застала их врасплох. Одному из рябчиков, птичке-самочке каким-то чудом

удалось не попасться, взлететь по прямой к ближайшему высокому дереву, шумно хлопая крыльями. Второй рябчик, нерасторопный суженый оказался не смертельно, но крепко прижат к земле огромной лапой. Данную сцену из непростой лесной жизни довелось увидеть зайчишке Чаре. В этот раз не успела она предупредить об опасности. Как же зайчишке было жутко в тот момент! Но опять переборола сильный страх попрыгунья, слыша сверху доносящийся горький плач рябчика-курочки.

– Пойдите, уважаемая рысь! – показала себя Чара. – Посмотрите на меня, пожалуйста. Во мне мяса больше и возможно я вкусней буду, чем птичка лесная. Отпустите её, лучше полакомитесь мною!

Смурая рысь поразмыслила немного, решила наконец. Ослабила хватку. Слегка помятый рябчик встрепенулся, кое-как долетел к своей подруге.

– Ладно, уговорила! Съем лучше тебя! – рысь готовилась к новому прыжку.

– Съедите, несомненно, если поймаете! – улыбнулась Чара и прыгнула прочь, что было мочи. – Догоняйте!..

Это была опасная погоня. Если бы не обязательные заячьи тренировки в раннем детстве – бег по утрам, прыжки в длину, пришлось бы Чаре худо. Сердце зайчишки готово было выпрыгнуть из груди от паники и бешеного преследования, но всё закончилось благополучно. Полый, гниющий валежник, пропустивший сквозь себя крохотную Чару, заточил в

себе более крупную рысь. Не застряла бы рысь в поваленном когда-то бурей стволе дерева, вполне возможно, быть Чаре съеденной. Сумела хищница самостоятельно вызволиться из западни, но в итоге осталась ни с чем.

Ушли в прошлое вечер да ночь. На поляне, на одной из веток одиноко стоящей сосны сидела белочка и вся тряслась от страха, боялась спуститься. А всё потому, что вокруг дерева наматывала круги и периодически хищно облизывалась голодная лиса. Снова не прошла Чара мимо чужой беды, хоть и было очень страшно, особенно после недавней погони через лес. Отвлекла разговором зайка лису, начала спрашивать её, мол знает ли лесная краса дорогу к Трын-Траве, правильный ли путь Чара держит. А смышлёная белка тем временем тихо и незаметно спустилась с дерева, бесшумно исчезла из виду. Хитрая лиса же ответила зайчишке, что будто бы знает, где находится нужная поляна, предложила свою помощь в качестве проводника. Вспомнила зайка слова старших и опытных, что словам лисиц опасно доверять. Поблагодарила и быстро покинула общество рыжей хищницы. Какое-то время ещё слышала Чара за своей спиной, позади звук шагов лисы, но вскоре он постепенно стих. Так зайчишка Чара осталась цела и победно прошла последнее испытание перед заветной целью.

Не обманула лесная колдунья Чару. Направление оказалось верным. Под взором полной луны, в полночь вышла из-

рядно уставшая зайчишка на тайную поляну, где росла волшебная Трын-Трава, что по слухам обладала свойством делать из труса храбреца. Лесная поляна была обширна. Окружена была необычной формы, неизвестными высокими деревьями (листья которых были всё ещё зелены и крепки на ветвях), а также кольцом из колючих кустов. Не побоялась зайка Чара изрезаться об колючки, с трудом, но преодолела преграду и сразу поняла – это точно нужное место. Всё травяное поле светилось под лунным светом каким-то колдовским, зеленоватым свечением. Пахла трава чудесно, неповторимым дурманящим ароматом. На прогалине было очень светло для ночного времени, тихо и безветренно. Посередине волшебного места, среди Трын-Травы возвышался огромный и древний валун, покрытый мхом и светящимися голубым светом рунами. Неожиданно, прямо из воздуха, верхом на валуне появилось странное, ранее не виданное Чарой существо. Но зайчишка почему-то сразу поняла, что это – леший, дух-хозяин лесной. А главное – совсем его появления ушастенькая не испугалась.

Властелин лесов роста был невысокого. Одет в просторную мешковину, в руках деревянный, идеального размера посох. Обуви нет. Кожа лешего – зелёного цвета, длинные растрёпанные лохмы и пышная растительность на лице – тоже зелёные, но более тёмного оттенка. Дух леса имел заметный горб на спине, из которого, сквозь прорези мешковины росла пара-тройка грибов-мухоморов. Глаза с огромны-

ми жёлтыми зрачками, большие клыки, «оленьи» рога на голове и торчащие в разные стороны, заострённые кверху уши – таков был вид хозяина скрытой поляны.

– Приветствую тебя, храбрый зверёк! – произнёс лешак.

– Здравствуйте, уважаемый царь лесной, – Чара низко поклонилась. – Только, простите меня, вы сейчас ошиблись. Нет храбрости во мне. За ней и пришла сюда. Могу ли сорвать и унести с собой немного вашей Трын-Травы, смелость дарующей? Хотя бы пару травинок для бабушки своего, ну и, если можно, для себя тоже.

– Смешная ты, зайка, – не громко промолвил леший-старик. – До сих пор не поняла?.. Знай, Трын-Траву живую рвать-губить никому не позволяю. Зачем? Сама по себе трава эта храбрости-отваги не даёт. Её волшебная сила заключается в другом. Она, мурава, вся эта поляна, вместе – своего рода путеводная звезда, указывающая путь. Путь храбрецов... Пойми, храбрый не тот, кто ничего не боится, а тот, кто способен перебороть себя, преодолеть свой страх в нужный момент! Говорю тебе, проход в это скрытное место открыт лишь избранным – храбрым и добрым, сострадательным существам. Поэтому не ошибся я на твой счёт. Вот стоишь ты предо мной, уставшая, израненная, голодная и.. отчаянно смелая. Я ясно слышу, в твоей маленькой груди бьётся большое храброе сердце! Ты уже давно, в походе сюда обрела то, что так страстно желала и искала, без всякой волшебной травы-муравы. Добавлю ещё кое-что важное: храни

и дальше в своей душе любовь да сострадание к ближним, к слабым и беззащитным. Это верное направление, самый короткий путь к счастью. Очень многое в твоих силах...

– А как же мечта моего дедушки... – взволновано начала было Чара.

Лесовик успокаивающе поднял ладонь, продолжил говорить.

– Поверь мне, старому и опытному, храбрость возможно проявить в любом месте, в любой момент осознанной жизни. Всё необходимое уже внутри каждого из нас. Вот что ещё следует помнить: не путай храбрость и никому не нужное, глупое безрассудство! Между ними тонкая грань. А теперь ступай вон туда, видишь? Моя тропа в кратчайший срок, минуя реки, озёра, болота и овраги выведет тебя обратно к родной опушке. Это безопасная дорога. До свидания, храбрая лесная зверюшка!

Деревья-великаны и кусты с шипами, как вполне живые существа передвинулись, расступились в обе стороны, образуя неширокую просеку, а древний леший, защитник чащи замолчав, в мгновение ока исчез, перенёсся обратно к своей лешачихе и лешачатам, в своё незримое посторонним логово, что находилось в корнях Мирового Древа.

Слово лесного царя в лесу – закон! Не стала зайчишка Чара рвать-щипать Трын-Траву. Поспала-отдохнула немного, да и отправилась с первыми лучами солнца по дивной тропе обратно домой, храбрая, но слегка грустная...

Как-то в самом конце осени, по первому не тающему снегу, крупный серый волк-одиночка, при рождении в волчьей стае получивший имя Лют, забрёл в незнакомую ему часть леса и, вот повезло – наткнулся на клочки заячьего пуха, запутавшиеся в ветвях кустарника. Понял изголодавшийся любитель мяса, что где-то неподалёку обитают зайцы. Не долго хищник шастал по округе, пока не вышел на опушку, где находились многолетние лёжки родственников зайчишки Чары. Увидали волка зайцы-беляки и почти все сразу в рассыпную – кто куда, а один молодой заяц словно застыл на месте, не может и шелохнуться от опутавшего его ужаса.

«А вот и ужин меня сам дожидается», – радостно подумал и в предвкушении облизнулся Лют.

Как вдруг из ближайших зарослей вынырнул ещё один заяц, точнее молодая самка-зайчиха, бесстрашно перегородила волку путь.

– Беги, братик! – крикнула трусишке Чара. – Спасайся!

Её громкий, властный и уверенный крик вывел из оцепенения беляка, и он что было мочи пустился на утёк. Собиралась и Чара спасаться бегством от смертельной опасности, но что-то внутри заставило зайчишку остановиться, отказаться от мысли о побеге.

«Не буду больше убегать, – решила зая. – Теперь я ничего не боюсь».

Очень удивился серый волк. Впервые в жизни от него тра-

воядный зверёк не удирал в панике, не дрожал всем телом от ужаса.

– Тебе, что, не страшно совсем, глупая?! – грозно спросил Чару лютый лесной зверь.

– Не страшно, да и бегать от тебе подобных устала! Думаю, отпор тебе, злодею дать! Не важно, что ты большой и сильный, мне храбрость в бою поддержкой будет!

Зловеще рассмеялся Лют и тут же набросился на дерзкую, по его мнению, молодую зайчиху. Проворно упала на спину Чара и как ударит что было мочи мощными задними лапами волка прямо по носу. Отскочил в сторону и взвыл серый, оторопел немного от прыти и наглости такой, но быстро пришёл в себя, свирепо зарычал и снова кинулся на Чару. А та и не думала мчаться прочь, сверкая лапами, где-то прятаться.

Второе волчье нападение завершилось для него удачей. Удалось Люту навалиться всем телом, придавить зайку к холодной земле. Обнажились острые жёлтые клыки. Оказалась в тот момент Чара на волосок от гибели...

Встревоженно наблюдал за схваткой из далека старый Родолюб, и вдруг так ему за жизнь внучки страшно стало, что о своей собственной шкуре позабыв, бросился на выручку, что было силы укусил злобного волка за хвост. От неожиданности и боли ослабил хватку Лют. Чаре с трудом удалось высвободиться, вырваться, но... Щёлк! Зацепил её всё же своими клыками волк, откусил кусочек левого уха, верхнюю часть. В глазах Чары мгновенно потемнело. Затем, вдруг оглуши-

тельный удар волчьей лапы и она, хрупкая зайчишка снова на земле, но уже без сознания. Временно разобравшись с внучкой, переключил внимание Лют на её деда. Старик-заяц, воинственно вцепившись зубами в волчий хвост, увы безрезультатно пытался оттащить волка подальше от Чары.

Кровожадное рычание. Неравный бой. Хватать! И полуживой Родолюб в волчьей пасти, как в капкане, замер без сил, не может и пошевелиться. Несколько мгновений спустя на волка Люта со всех сторон обрушились неожиданные удары. Заячьи зубы-резцы и когти портили шкуру, причиняли ошутимую боль. Это зайчиха Зната и другие беляки, презрев страх, отчаянно набросились на хищника-душегуба. Разомкнул клыкастую пасть Лют, освободил обмякшего Родолюба и прижав уши, поджав хвост, скуля, да раскидывая волны нападавших, поспешил трусливо прочь с опушки лесной.

Как только пришла Чара в себя, тут же, вся в слезах бросилась к своему тяжело раненому дедушке. Устало улыбнулся ей Родолюб, напоследок, как смог оглядел сильно изменившуюся внучку. Почти полностью сменила окрас своей шубки Чара, стала из серой зайчишки белой, лишь на груди осталось небольшое пятнышко, ну и ещё одно, незначительное на верхушке правого, уцелевшего уха.

– Сильно скучал я по тебе, внученька... – каждое слово давалось Родолюбу с большим трудом. – Не плачь, прошу... Настала пора мне уходить... Но я горд за тебя и счастлив... Благодаря тебе, Чара, мне больше не боязно... Спасибо... Я,

все мы зайцы теперь знаем, что такое храбрость... Принесла ты с собой силу Трын-Травы для всех нас... Моя главная мечта исполнилась... Теперь не страшно и умереть... Поверь, на душе моей радостно... Люблю тебя сильно, Чара... Всех вас, родные люблю... Прощайте...

Родолуб не мог больше говорить, тяжёлое дыхание его постепенно замедлялось. Опустив головы, зайцы-беляки, от мала до велика молча стояли, по их щекам текли горькие слёзы. Из ниоткуда возник на опушке леший. В этот раз он был без своего посоха. Приблизился дух лесной к старому зайцу, бережно взял его на руки.

– Не горюйте, – успокаивающе-ласково обратился к окружающим царь леса. – Старику уже не больно. Смерть – это не конец. Лишь переход из мира видимого в невидимый. Все вы там рано или поздно встретитесь, каждый в свой черёд.

Произнеся такие слова, леший с Родолубом на руках, не спеша скрылся за деревьями. Зайцы тоже, один за другим стали покидать эту опушку, свой родной дом, где отныне было не безопасно – Лют вместе с другими волками мог в любой момент вернуться. С того дня разбрелись эти длинноухие, некрупные травоядные животные по всему лесу, по всем лесным землям.

Дальнейшая судьба храброй Чары была полна приключений, радостей и горестей, куда без этого – такова жизнь. Много раз выручала Чара других из беды, обрела немало преданных друзей. Жила для ближних и была счастлива. А

повреждённое левое ухо всегда напоминало ей, каким опасным бывает безрассудство.

Одна история всегда заканчивается, другая начинается. Поэтому это вовсе не...

КОНЕЦ